

Глава 4. Мяу

Цзин Мими понял, что снова заболел.

Тело налилось свинцовой тяжестью, а папы рядом не было, и ему оставалось лишь свернуться калачиком и терпеливо ждать, пока всё пройдёт.

Ещё котёнком он не отличался крепким здоровьем. Стоило смениться сезону, как он тут же заболел; летом мог простудиться от неосторожно выставленной температуры кондиционера, а осенью, когда отопление ещё не включили, достаточно было недолго полежать животиком на полу, чтобы замёрзнуть.

Иногда его рвало, иногда мучило расстройство желудка, и папам приходилось быть предельно осторожными, кутая его в тёплую одежду, чтобы защитить животик.

Он и сам не хотел быть таким. Мечтал стать здоровым и крепким котёнком, чтобы не хворать и не доставлять папам лишних хлопот.

Но теперь он был не котёнком, а маленьким человеком. И вот, не успев даже встретиться с папой, он снова заболел.

Тело, укутанное в несколько слоёв одежды, казалось чужим и непослушным. Было душно, не хватало воздуха. Несмотря на внутренний жар, по коже струился холодный пот.

Он прислонился к входной двери, и сознание начало медленно угасать. Что было дальше, он не помнил.

Когда он снова очнулся, тело окутывало долгожданное тепло, и холод отступил. И хотя лёгкое недомогание ещё оставалось, это было ничто по сравнению с той болью, что он испытал перед смертью.

Светало. Холодный белый свет пробивался сквозь щель в шторах, заливая комнату туманным сиянием.

Открыв глаза, он увидел спящего рядом папу. Это казалось сном.

Котята тоже видят сны. В них им являются самые вкусные в мире вяленые рыбки, и они даже причмокивают губами во сне.

Но сейчас он, должно быть, не спал. Ведь он был в облике человека, который ему подарил Кошачий Бог. Будь это сон, он наверняка снова стал бы котёнком.

Цзин Мими недоверчиво моргнул, потом ещё раз, и, наконец, робко протянул ручку, чтобы коснуться папы.

У него было два папы: Маленький папа и Большой папа.

Маленького папу звали Цзин Чжи. Он был поменьше и готовил самую вкусную на свете кошачью еду.

Большого папу звали Цзян Суйфэн. Он был покрупнее и мастерил чудесные одежки и игрушки.

Перед ним лежал его Маленький папа.

Огромная радость захлестнула его, и, уже не довольствуясь лёгким прикосновением, он, повинаясь не до конца забытому кошачьему инстинкту, начал тереться и прижиматься к папе.

Правда, он ещё не научился как следует управлять своим новым телом, поэтому лишь извивался рядом, словно маленький червячок, и радостно тыкался личиком в его бок, стянув с себя лёгкое одеяло.

Кошачий Бог наблюдал за этой сценой, но, поразмыслив, решил не вмешиваться. Он мог быть для Мими поддержкой, но не мог прожить за него его жизнь. Пусть он сам, как умеет, выстраивает отношения со своими папами — так будет естественнее всего.

А что будет дальше — покажет время.

Потеревшись ещё немного, Мими внезапно столкнулся с парой тёмных, глубоких глаз. Он замер.

Поначалу затуманенный сном, взгляд моргнул несколько раз и, наконец, сфокусировался на нём.

Сердце Мими забилося чаще, застучало в груди, словно пойманная птичка.

Папа проснулся! Папа его видит!

Тело, охваченное восторгом и тревогой, сработало рефлекторно. Подчиняясь внезапному порыву, он неуклюже, но быстро, следуя кошачьему инстинкту, выставил попку кверху, словно пытаясь задрать несуществующий пушистый хвост — высший ритуал приветствия.

Их взгляды встретились. На мгновение время застыло, и в больничной палате воцарилась абсолютная тишина, будто кто-то нажал на кнопку паузы.

На лице папы не было привычной радости, которая всегда появлялась, когда он видел его ласку, — лишь незнакомое спокойствие и растерянность.

И тут до Цзин Мими дошло. Он больше не котёнок Мими. У него нет пушистого хвоста, и как бы он ни задира попку, хвост не поднимется, и папина ладонь не пройдёт по нему привычным, успокаивающим движением от самого основания до кончика.

Впрочем, он не слишком расстроился. Главное — снова быть рядом с папой, а потеря хвоста — не такая уж большая цена.

Неловкое молчание нарушил скрип двери.

В палату вошёл отец той девочки, что лежала на соседней койке, неся в руках тёплый завтрак.

Девочка и её мама ещё спали, поэтому он ступал очень тихо, чтобы их не разбудить, но его появление неизбежно привлекло внимание тех, кто уже проснулся.

Две пары глаз одновременно устремились на него.

Мужчина поправил очки и с понимающей улыбкой посмотрел на них.

Дети есть дети. Его собственная дочь тоже любила извиваться на мягком коврике, словно гусеница, принимая самые причудливые и милые позы, совсем как котёнок.

Фотоальбомы в их с женой телефонах были до отказа забиты её фотографиями.

Цзин Чжи почувствовал себя немного неловко под этим взглядом. Опомившись, он опёрся на руку и сел на кровати.

Цзин Мими тоже перевёл взгляд на папу. Он перестал выставлять свою лишённую хвоста попку и, чтобы лучше видеть папу, тоже опёрся на ручки и сел.

После вчерашней ночи и сегодняшнего пробуждения он быстро осваивался в новом теле.

Но, возможно, из-за психологических факторов, чтобы надёжнее удерживать равновесие, он по привычке продолжал опираться обеими руками о матрас перед собой — точь-в-точь как сидят кошки.

Глядя на послушного малыша, чинно сидевшего перед ним, Цзин Чжи на миг забыл о его странном поведении. Он взял с тумбочки свой телефон и спросил:

— Как тебя зовут? Где ты живёшь? Помнишь имена или номер телефона родителей?

Он разблокировал телефон отпечатком пальца. За всю ночь ни в WeChat, ни в SMS не пришло ни одного сообщения от родных малыша. Даже ни одного намёка, который мог бы помочь.

Странно.

Ещё более странным было то, что малыш перед ним просто смотрел на него широко раскрытыми глазами и молчал, не пытаясь ответить на вопросы.

Цзин Чжи решительно отложил телефон и снова посмотрел на него.

Похоже, информацию придётся вытягивать из самого ребёнка.

— Ты ведь тоже живёшь в жилом комплексе «Счастье»?

— Знаешь номер своего дома?

— Ты вчера заблудился?

— ...

Один вопрос следовал за другим, но малыш по-прежнему молчал. Было заметно, что он нервничает: его маленькие ручки, опирающиеся о матрас, невольно сжались в кулачки.

Цзин Чжи решил, что это просто застенчивый ребёнок, который боится незнакомцев. Он не знал, что делать, и в голове почему-то промелькнула вчерашняя фраза его друга: «Пусть Цзян Суйфэн им займётся».

Будь здесь Цзян Суйфэн, он бы наверняка в два счёта разговорил малыша. У него большая и дружная семья, и каждый Новый год он возится с целой оравой детей...

Цзин Чжи быстро отогнал эти непрошенные мысли, заставляя себя не думать об этом имени и обо всём, что с ним связано.

Взглянув в красивые янтарные глаза, Цзин Чжи предпринял ещё одну попытку:

— Если ты не ответишь, твои папа и мама будут очень волноваться, что не могут тебя найти.

Дети в таком возрасте должны быть чувствительны к словам «папа» и «мама».

И действительно, едва он закончил фразу, как малыш разжал кулачки.

А в следующую секунду...

Он бросился ему в объятия.

Маленькая головка уткнулась ему в грудь, а ручки крепко вцепились в одежду.

Цзин Чжи: «...?»

Цзин Мими не знал, как ответить на папины вопросы.

Вернее, он ещё не понимал, как заставить это новое тело издавать звуки.

Он должен был уметь говорить, но после неудачной попытки мяукнуть прошлой ночью он, под влиянием этого опыта, не решался пробовать говорить перед папой.

К тому же, даже если бы он и мог говорить, он всё равно не знал бы, что ответить. Так что лучше уж молчать.

Четыре года назад котёнок Мими тоже не умел говорить, но папа всё равно забрал его домой.

Наивный малыш Мими верил, что и четыре года спустя папа заберёт домой маленького человека Мими, который тоже не умеет говорить.

Папа был его папой по велению судьбы.

Услышав слова «папа» и «волноваться», Мими без колебаний бросился в его объятия.

Папа, не волнуйся, Мими здесь, рядом с тобой.

Папины объятия были такими же тёплыми и надёжными, как и раньше. Мими больше не хотел отпускать его и, как в старые времена, повис на нём, словно маленький брелок.

Жар у малыша ещё не до конца спал, его тело оставалось горячим. Словно в объятия внезапно сунули маленькую грелку, которую совсем не хотелось отпускать.

Рука Цзин Чжи, уже было поднявшаяся, чтобы отстранить его, помедлила и опустилась.

На самом деле, он никогда не питал особого интереса к детям. Из-за некоторых несносных сорванцов он даже испытывал к ним некоторую неприязнь. К тому же, учитывая его ориентацию, он понимал, что своих детей у него никогда не будет, и это делало его ещё более равнодушным.

Но в этот миг что-то будто коснулось его сердца.

Хоть и не хотелось об этом думать, но он не мог не признать — у малыша были такие же круглые янтарные глаза, как у его Мими.

Малыш был таким послушным и мягким. Даже когда он разбудил его, тыкаясь в бок и

принимая странные позы, это совсем не раздражало.

И пусть он не отвечал на вопросы и молчал, но он так к нему тянулся, а значит, доверял.

«Он болен и плохо себя чувствует, — решил Цзин Чжи. — Пока уступлю ему».

Если и дальше не удастся ничего выяснить, и никто не объявится, он просто вызовет полицию.

Профессионалы должны заниматься своим делом. Возможно, они быстро найдут его родителей.

На соседней койке уже проснулись девочка и её мама. Не успев даже умыться, вся семья наблюдала за происходящим.

Отец и мать девочки обменялись потрясёнными взглядами.

Они слышали слова Цзин Чжи — выходит, этот малыш потерялся? А этот парень — не его отец и не брат, а просто незнакомец.

Обоим стало стыдно и неловко за свои вчерашние перешёптывания в WeChat.

Он просто из доброты привёз больного, потерявшегося ребёнка ночью в больницу, а они уже напридумывали, что он стал отцом в столь юном возрасте, и что у него, должно быть, бурная личная жизнь.

Как неловко.

Вскоре отец девочки подошёл к Цзин Чжи, который всё ещё обнимал малыша, и протянул ему часть завтрака.

— Я купил слишком много, — сказал он. — Не хотите ли поесть? Жалко выбрасывать. Тут каша и паровые булочки, всё легко усваивается. Купил в уличной лавке, там гораздо вкуснее, чем в больничной столовой.

После таких слов Цзин Чжи не мог отказаться. Он поблагодарил и принял еду, в душе отметив, какие же хорошие люди эти родители.

Он и вправду проголодался.

Но кормить ребёнка чем попало он не решился и нажал кнопку вызова медсестры.

Дети, как и котята, очень хрупкие, и во время болезни их нельзя кормить без разбора.

Когда пришла медсестра, Цзин Мими всё ещё сидел в объятиях Цзин Чжи. Правда, теперь уже не он обнимал его, а Цзин Чжи, перехватив, держал его на руках.

Всё началось с того, что Цзин Чжи попытался отстранить его, но малыш, моргая большими глазами, через мгновение снова прижался к нему.

Цзин Чжи не удивился. Даже он, взрослый человек, во время болезни становился более зависимым от других, что уж говорить о маленьком ребёнке.

А поскольку рядом был только он, малыш, естественно, к нему и тянулся.

Чтобы медсестре было удобнее осмотреть ребёнка, Цзин Чжи решил сам взять его на руки.

Хорошей новостью было то, что в его объятиях малыш перестал ёрзать и послушно притих.

За это время Цзин Чжи ещё несколько раз попытался задать ему вопросы, но так и не получил ответа. При каждом вопросе малыш лишь глубже зарывался в его объятия, пряча лицо.

Медсестра осмотрела его. Температура по сравнению с прошлой ночью спала, состояние улучшалось. Скорее всего, ничего серьёзного. Она разрешила дать ему немного лёгкой жидкой пищи.

После ухода медсестры Цзин Чжи открыл кашу, зачерпнул ложкой, остудил и поднёс ко рту малыша.

Малыш послушно открыл рот и съел кашу.

Так, ложка за ложкой, Цзин Чжи скормил ему половину миски.

Сам не зная почему, он находил это занятие на удивление приятным.

Словно кормишь милого маленького зверька.

Увидев, что в миске осталась лишь половина каши, а папа ещё не ел, Цзин Мими отказался есть дальше, боясь, что папа останется голодным.

Цзин Чжи подумал, что он просто наелся, и не стал настаивать. Он съел несколько ложек сам. Хотя аппетита особо не было, да и желудок после вчерашнего побаливал, он подумал, что будет невежливо выбрасывать еду, которой с ним так любезно поделились, и заставил себя доесть.

Пока Цзин Чжи ел, Цзин Мими послушно сидел у него на руках.

Но вскоре он начал слегка ёрзать, вертя головой и что-то выискивая взглядом в палате.

— Что случилось? — спросил Цзин Чжи, с недоумением глядя на пушистую макушку.

Цзин Мими не знал, как ответить папе. Он напряг все свои извилины, и вдруг, подняв ручку, начал скрести по простыне.

Это было движение, которым котята закапывают свой лоток.

Мими хотел в туалет.

<http://bllate.org/book/13680/1212134>